

**«МЫ НЕ ПЕРВЫЕ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
ЛЮДИ ЛЕЙБЛОВ И СЛОГАНОВ»**

Георгий Георгиевич Хазагеров – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Южного федерального университета. Преподавал в вузах Ростова и Москвы, был экспертом и консультантом в области риторики в политической сфере и в сфере бизнеса. Автор вузовских учебников риторики, книг и статей по риторике, русской филологии, истории культуры, в их числе «“О образех”: Иоанн, Хировоск, Трифон» (1994), «Введение в русскую филологию» (2000), «Персоносфера русской культуры» (2002), «Политическая риторика» (2002), «Одичание ритуала» (2006), «Партия, власть и риторика» (2006), «Риторика» (2008), «Риторический словарь» (2009), «Риторика тоталитаризма» (2012), «О монструозности метафоры в когнитивной парадигме» (2016).

В этом номере Р&И Георгий Хазагеров поделился своими мыслями о современном риторическом контексте, грядущей «эре метонимии» и необходимости «быстрого недопонимания». Беседовала Екатерина Максимова.

То, что последним словом года в Оксфордском словаре стало вовсе не слово, а смайлик-эмодзи, как-то характеризует нашу цивилизацию с точки зрения риторики?

Конечно. Весь двадцатый век и даже начало двадцать первого прошли под знаком метафоры. Вы помните, интеллектуальный кумир эпохи Джон Лакофф и его «Метафоры, которыми мы живем». Якобы именно метафора формирует наши мысли и кардинальным образом влияет на нас. Метафора сильна, но ей вредна визуализация. Визуализация благоволит другому тропу – метонимии.

Смайлики вместо слов или мемы вроде «Будь как Билл» (мне нравится, такие симпатичные) – все это свидетельства того, что эпоха метафоры заканчивается. Мы входим в эру метонимии. Еще Потебня говорил, что метонимия – более коммуникативный троп, он возникает там, где нужно что-то быстро сообщить, помогает нам экономить слова. Метафора сложнее, она отсылает к другим мирам. Восходит к евангельской практике с ее притчами, которые суть развернутые метафоры. Метафора как бы усложняет мир, она привлекает еще один текст, еще один пласт. И в ней всегда есть элемент условности. Метонимия никуда ничего не привлекает, она как кусок жизни, как чистый опыт. И еще метонимия протейчна, ее не проверишь и не поймашь.

А на основе метафоры можно строить целые объяснительные системы. Как многие большие идеи XX века. Тот же психоанализ Фрейда – тоже ведь сплошная метафора.

И интересно, при этом считалось, что метафора сопротивляется рациональному анализу, мы ее скорее подсознательно воспринимаем. Но это не так. Якобсон заметил, что метафора лучше, чем метонимия, поддается рационализации. Метафора может быть проверена ее продуктивностью. Фрейд увидел большую метафору с Эдиповым комплексом. Верно это или неверно – так вопрос не стоит. Вопрос – помогает или нет, работает или нет, продуктивно или нет. Метафора работает, помогает выстраивать дальнейшие теории. А метонимия неуловима, ее можно проверить только статистикой. Вот утверждение: «Мигранты совершают преступления». Как его доказать или опровергнуть? Статистика выясняет, что мигранты совершают преступлений в несколько раз меньше, чем коренные жители. Но человек же верит своим глазам: а ему, предположим, вторую неделю показывают, как какой-то мигрант отрезает людям головы. В этом сила метонимии, метафора на этом поле пасует.

И поэтому сознание современника так ждет всего, что маскируется под статистику? Все эти «10 жизнеутверждающих цитат Чехова» или «5 правил успешного оратора»?

Конечно, человеку хочется закрыть список. В результате вся история человечества – это «10 великих полководцев». Но мы не первые в истории человечества люди лейблов и этикеток. Что-то подобное было во времена позднего средневековья, в эпоху барокко. Культура этикета, геральдика, торговые дома с брендами. Все то же самое, только логотипы назывались гербами, а слоганы – девизами рода.

Нам надо уметь «быстро недопонимать». На наших глазах формируются стратегии, как плавать в море информации, недопонимая ее. Мы не можем осознать все, приходится скользить по поверхности. Хорошо это или плохо, бессмысленно рассуждать, но без метонимии здесь не обойтись. Максим Кронгауз в своей знаменитой книге «Русский язык на грани нервного срыва» говорит о том, что новых слов в литературе и в СМИ появляется столько, что читателю уже не обязательно все их понимать. Приходится читать сквозь них. Он не делает из этого глобальных выводов, между тем они невольно напрашиваются. Так складывается новое сознание, которое стремится все каталогизировать.

Древние тоже любили каталогизировать. Но если брать те же трактаты по риторике, это были функциональные каталоги. Это не механическая систематизация и не способ концептуализировать реальность. Понятно, потому что в космосе древнего мира

упорядочивать – это дело Прокруста. Особое внимание уделяется какому-то тропу или фигуре не потому, что это элемент иерархии, а потому, что это важно для жизни. Эта избирательность может противоречить чистому разуму, логике. Потому что все это было у них очень живое, так что даже среди тропов и фигур были свои любимцы. Вот, просопопея, олицетворение, по нашей логике – это часть метафоры, но почему у древних греков она названа и рассматривается отдельно? Просто потому, что это важно, потому что «об этом стоит поговорить».

Сегодняшняя каталогизация, кроме того что систематизирует, еще и постулирует. Достаточно смело и самонадеянно. Кто сказал, что именно эти 10 цитат Чехова самые важные? Но это опять же к вопросу «быстрого недопонимания».

В этом смысле в наиболее уязвимой позиции оказывается научный дискурс: здесь необходимость «быстро недопонимать» оборачивается откровенной профанацией.

Здесь вот что. Кроме того, что современная культура визуальна, метонимична, она еще изрядно обезличена. Теми же соцсетями. Пользователь находится в такой эгоцентричной позиции – к нему все стекается, он что-то выбирает. Но он не персонаж диалога. Это такая детская эгоистичность. Как ре-

бенок воспринимает мир? Он не ставит себя на место другого человека.

Общение утрачивает конвенциональность.

Именно. В 1973 году Ролан Барт расточал по этому поводу восторги. Помните, «Удовольствие от текста» и прочее. Нет, может, Барт успел получить удовольствие, но в итоге получилось страшно. Обезличенный дискурс не знает авторитетов. И научный дискурс в первую очередь страдает от этого. Нет авторитета, тогда как работает наука? Что и кого я могу читать? Фамилии этих людей неизвестны, ничего не значащие названия составлены из ключевых слов, которые и без того на слуху.

Главная проблема нашей культуры и нашего языка – это отсутствие авторитетов и общих мест. «Тотальный диктант» тут не поможет. Нужна персонификация: только люди могут собрать вокруг себя людей. Говорят, метафора концептуализирует пространство. Нет, не метафорами и не концептами выложена наша жизнь. Наиболее надежный способ жить – знать людей.

В частности, нет эталонного носителя языка? Кого-то вроде Лихачева или Панченко?

Или Аверинцева. Все так. Но обяза-

тельно это будет филолог. Мы с коллегами готовили книгу к 100-летию Южного федерального университета. И конечно, я постарался ознакомиться с трудами многих профессоров. Там много хорошего, но с точки зрения языка особенное впечатление на меня произвел ботаник Александр Федорович Флеров. У него есть работа «Берендеево царство». Это просто описание болота, латинские названия растений, согласно жанру, приводятся в скобках. Но какой прекрасный язык. Существует персонификация науки – Лихачев, Панченко, Аверинцев. Если увижу – надо прочитать. Если ученики – заслуживают доверия. В итоге я вижу не какие-то конструкты-концепты, а разнообразие жизни. Лихачев пишет сухо, но точно и хорошо. Аверинцев более красочно. Такживает пространство стилей. Иначе я бы знал только то, чему меня научили в университете: есть научный стиль и научно-популярный подстиль.

Риторика в вашем изложении тоже живая. Она ощущается как некая практика, взятая из жизни.

Я несколько раз писал учебники по риторике. Мне говорят, что они авангардистские. Не возражаю. В том смысле, что там нет пространственных научных рассуждений, главное – все должно быть понятно, все должно работать. Я считаю, что риторике нужна популяриза-

ция. Популяризация исключает все наносное и сиюминутное. В научной среде мы обязаны ссылаться и на Аристотеля, и на Кочерыжкина. Как? Вы не знаете, что Кочерыжкин в прошлом месяце написал, какое он открытие в риторике сделал? Приходится знать. Еще меня ругают за полемику с Бахтиным. Главная риторическая угроза по Бахтину – вертикальная. Понятно, Бахтин жил в страшное время, он видел опасность в монологизации, Большой Брат и прочее. Бахтин говорит о разрушении оси «я – ты». Как была разрушена эта ось, совершенно понятно. Вместо того чтобы писать для читателя, автор-соцреалист писал для начальника или цензора. Я помню отлично, как это было. Приходишь в магазин – там множество книг, они же все какими-то дикими миллионными тиражами издавались. В общем, книг много, но все это не книги. Берешь кошелочку и едешь в станицу Староминскую, почему-то там получалось находить книги. Тем не менее, мне кажется, что главная риторическая угроза – горизонтальная, в разрушении оси «я – мы», в нарушении связей между людьми. Как-то внезапно мы обнаружили себя в мире социального аутизма. Современное общество – это не коллектив, а инспирированные группы.

Риторика, какой мы ее знаем в качестве того же университетского курса, складывалась буквально на ваших глазах. Какие там были узловые, поворотные моменты?

Да, риторики не было, была только стилистика, и был Розенталь, который выделял несколько фигур. Еще было понятие изобразительно-выразительного средства, которое выводилось за пределы функциональной стилистики. Я писал курсовую работу по творительному падежу и столкнулся с конструкцией «волна за волной бегут торпливо». Что это за значение падежа? Что за конструкция? В университете мне никто ответить не смог, и я начал говорить об этом дома. Томас Григорьевич Хазагеров сказал мне: «Так это же полиптот! Ты что, не знаешь значение фигур речи?»

Надо полагать, кроме него, немногие знали.

Он знал. И Ахманова знала. Я все-таки нашел полиптот в ее словаре. В общем, выиграло ретивое, я увлекся этим направлением. Со временем Ростов стал большим центром экспрессивной стилистики, по сути, это была проториторика.

Сегодня мы живем с призраком кожинской функциональной стилистики¹. Она ничего нам не дает, потому что мы давно находимся в другом обществе. Оно не разбивается на сферы общения так, как в хрущевское или брежневское время. Давно нужна стилистика курсов. В центре риторики должно

¹ М.Н. Кожина – создатель пермской школы функциональной стилистики, автор «Стилистики русского языка» (1983).

быть дискурсивное сообщество, а не тема или связный текст. Риторика должна видеть людей и их интересы. В англоязычной википедии в статье «риторика» ключевое слово share – формировать. Понимание того, что риторика придает форму общению – прямая дорога от римской риторики. Мы же до сих пор живем с презумпцией недоверия к слову. Это советское наследие, когда была задана очень низкая планка всех дискуссий.

Как вы можете описать сегодняшний риторический контекст?

Риторика дефицита. Обедненная персонифера, отсутствие общих мест. Что мы обсуждаем? Часы священнослужителей и пресс-секретарей. Сравните с темой маленького человека в русской литературе. Я, конечно, абсурдизирую и иронизирую, но логика происходящего примерно такая. И отлично работает популистская риторика. Русский человек очень быстро поверил в то, что он самый чуткий и добрый. Вечером могут битой огреть? Это же частности. А так везде сплошные скрепы. Сейчас нет мобилизационных призывов, но в готовно-

сти русского человека ехать на целину я не сомневаюсь. Готовность верить во всякий «вдруг», в новую жизнь возникает из-за того, что нет форм, нет искушенности, в том числе и в языке. Мы с нуля все время начинаем. Почему у нас были возможны финансовые пирамиды? Потому что реклама была прочитана как советская газета. Леня Голубков сказал – народ сделал. Шаг доверия у русского человека – до Амстердама. Это началось с опыта Крещения Руси. Мы ведь вдруг это сделали. Давайте сразу – с головой в реку. Недаром многие тексты петровских реформ сопровождалась отсылками к сюжету Крещения Руси.

И то, с чего мы начали – глобальное упрощение. Сколько было обсуждений, когда в фейсбуке в дополнение к классическому «лайку» появилось еще пять эмоций-смайлов. Кронгауз увидел в этом опасность того, что общение между людьми станет еще более примитивным. Пожалуй, что так. Главным в общении становится не порождение содержательных текстов, а реакции. Поэтому и главное слово года уже не слово, а картинка-смайлик.

